

БИОГРАФИЯ ЧУВСТВ

Газета продолжает разговор о том, с чего начинается книга, как рождается писательский замысел, кто стоит за литературными героями. Сегодня под нашей традиционной рубрикой выступает лауреат Государственной премии РСФСР

Анатолий АНАНЬЕВ

Я придерживаюсь того мнения, что всякая проза (не говоря уже о поэзии) должна представлять собой «биографию чувств», но вовсе не обязательно «биографию событий».

В юности попал на фронт и там повидал и запомнил столько, что армейская среда стала для меня главным источником материала, составившего впоследствии основу многих книг, тем резервуаром жизненного опыта, без которого затрудняюсь представить любую писательскую судьбу. Но из виденного мною (на подробное и полное описание всего не хватило бы, думаю, и целой жизни) стремился отобрать по возможности лишь то, что создает атмосферу и объем большого и целостного события.

Впрочем, копилку опыта, как и всякий писатель, пополнял непрерывно, и слова «жить» и «познавать» для меня почти синонимы. Ни у одного из моих героев нет прямого прототипа, вернее, прототип такой никогда не бывает единственный. Допустим, внешность подполковника Таболы из романа «Танки идут ромбом», «списана» командира истребительно-противотанкового артиллерийского полка подполковника Эрестова, а жизненный путь героя во многом повторяет биографию не связанного с полком человека — бывшего директора Тарановского совхоза Кустанайской области Бакутского, у кого я гостил всего два дня...

Но одно взял за непреложное правило: «своевольничая» с прототипами, в неприкосновенности оставлять место действия. Так, пейзажи, виденные мною на Орловщине, в нетронутом виде перенесены в главы нового романа, посвященные Сухогрудову; пейзаж луговой речки Мокши написан «с натуры» и воспроизведен в главах, повествующих о механизаторах Павле и Степане.

Между прочим, увиденного и пережитого иногда бывает явно недостаточно для воссоздания правдивых и точных картин тех или иных крупных исторических событий. В таких случаях волей-неволей обращаешься к архивным документам, к давней периодике, к мемуарам и запискам участников событий, беседуешь с очевидцами... Не раз доводилось мне заниматься разысканиями, скажем, в архиве Министерства обороны СССР.

Часто на встречах с читателями слышу вопрос: какова доля правды и доля вымысла в ваших романах? В самом деле, какова?.. Тут, честно говоря, надо стосечовую лампу поставить, чтобы разглядеть хорошенько сюжетные закоулки хотя бы одного романа. Не говоря уже обо всех сразу.

Вот пример: в поединке, который описан в «Верстах любви», я участвовал сам, но когда поединок этот «перекочевал» на страницы романа, он

изменился соответственно тем требованиям, какие диктовала уже сложившаяся романная ситуация, а не та конкретная ситуация действительно, из которой он был «извлечен». Бывает, что жизненная ситуация, точнеешим образом перенесенная в текст, теряет в нем свою жизненность.

Или такая вот проблема — авторская «власть» над героями...

Каждый автор по-своему строит взаимоотношения с героями, и степень доверительности этих отношений также может быть разной. Со сложностью проблемы «автор — герой» я столкнулся, уже работая над первыми своими вещами (рассказами, повестями), а когда принялся за роман, то понял, что скорлупа этого «орешка», во всяком случае для меня, еще цела.

Право автора на «своеволие», если понимать его глубоко, есть, собственно, право на художественный вымысел. Когда в основу произведения кладется историческое событие или целая полоса событий, тогда писатель должен непременно «обуздывать» себя, чтобы не допустить искажения фактов, нарушения исторической правды.

Добросовестность — первое требование для писателя, взявшегося за историческую тему. И здесь неизбежно возникает вопрос о рождении художественного замысла. Разумеется, о плане будущей книги приходится думать прежде всего.

План этот всегда обдумывается заранее и не вполыхах, не в суеете и спешке, а за рабочим столом, медленно, сосредоточенно и терпеливо. Иначе и нельзя: невыношенный план — план мертворожденный... План этот определяется единственно тем, что я хочу сказать в своей новой вещи, что наболело, накипело и готово выплеснуться из души на бумагу.

Ну, а замысел всякой очередной книги рождается у меня в процессе написания предыдущей: одну пишу, другую вынашиваю. Одной занят вплотную — сочиняю, правлю, «перебеливаю», к другой — запасаю материал, делаю «заготовки», изучаю события, выезжаю к предполагаемому месту действия, набрасываю необходимые зарисовки...

Я делаю и портретные эскизы для своих книг, и с некоторыми поправками эскизы эти присутствуют в готовом тексте. А вот, скажем, готовя материал к «Годам войны», я завел картотеку на каждого героя (не по части внешности, костюма и привычек, а в отношении его взглядов, склада его мышления, особенностей его мировосприятия).

Возникновение замысла книги отнюдь не единовременный сиюминутный акт, а процесс, и датировать его определенным месяцем, а тем более определенным числом вряд ли имеет смысл.